

Колыбель РОССИИ

Не в худой и не в неведомой
земле владычествовали,
но в Русской, что ведома
и слышима есть во всех
концах земли...

Слово о законе и благодати. XI в.

РУССКИЕ СОКРОВИЩА

Николай Воронин

Киев, Владимир, Москва... Эти три имени как бы символизируют важнейшие этапы средневековой истории русского народа. С Киевом связаны овеянная героическими легендами древнейшая пора жизни стремительно росшего Русского государства, расцвет ремесел и торговли, литературы, искусства и монументальной архитектуры, впервые явивших миру силу русского гения, широту его творческой мысли.

В XII столетии, в пору феодальной раздробленности Руси, на северной окраине Киевской державы поднимается новый центр русской культуры и государственности — город Владимир, младший в семье старых городов северо-востока: боярского Ростова и Суздаля. Союз городов и сильной великокняжеской власти становится почвой прогрессивной политики «владимирских самовластцев» — Андрея Боголюбского и Всеволода III, почвой блистательного расцвета культуры и искусства. Владимирская Русь делит со всей страной тяжкую, неравную борьбу с татарским нашествием и гнет монгольского ига.

Но в лоне Владимирской земли еще в XII веке зарождается мало заметная тогда точка — город Москва, ставший через два столетия сердцем «собираения» и возрождения Руси, борьбы с монгольской неволей, средоточием и организатором подъема русской культуры и столицей Русского централизованного государства. Как Владимир питался культурным наследием Киевской державы, так и Москва строила свою культуру на основе высоких традиций Владимирской Руси. Многовековая преемственность и цельность культуры русского народа запечатлены в драгоценных памятниках прошлого, которыми так богата Владимирская земля.

Древнерусское искусство было тесно связано с церковью. На протяжении семи столетий больше всего строили каменные долговечные храмы, богато украшенные мозаичной и фресковой живописью, резьбой и драгоценной утварью. Поэтому и в древних городах Владимиро-Суздальской земли сохранились преимущественно культовые памятники. Их создателями были народные мастера — зодчие и скульпторы, живописцы и ювелиры, каменщики и плотники. В строительстве крепостей и дворцов, храмов и хоромов воплощалось могучее дарование народных мастеров: вдохновение, вкусы, представления и мечты о счастливой «украсно

украшенной» родине, светлом и сильным духом человеке. В этом — непреходящая ценность древних памятников, смысл их немеркнувшей красоты.

В сокровищницах русского искусства главнейшее место принадлежит памятникам зодчества, скульптуры, живописи и прикладного искусства владимирских мастеров. Постройки XII—XIII веков: церкви в Кидекше и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском — разделяет одно лишь столетие. Но какой путь прошло за столь короткий срок искусство, каждый шаг которого отмечен ценностями мирового значения! Причиной было то, что художественное творчество теснейшим образом связывалось с жизнью, с ее прогрессивными течениями. Владимир был ранним центром «собираения» сил Русской земли, основой этих, пусть обреченных и преждевременных, но передовых и дорогих народу устремлений. К единству звало и «Слово о полку Игореве», видевшее во владимирском князе Всеволоде III силу, способную возглавить объединение.

Владимирское искусство служило этому народному стремлению своими средствами. Мастера, по свидетельству летописи, «уразумеша и яшася по правду крепко», были сознательными участниками развертывавшейся общественно-политической борьбы. Не случайно, что именно владимирские «каменщики» были ненавистны боярской знати, видевшей в художниках-самоходках лишь холопов...

Архитектура теряла свою феодально-церковную ограниченность. Владимирские зодчие видели в украшении городов и свое кровное дело. Строя храмы и дворцы, создавая и совершенствуя ансамбли городов и замков, они вкладывали в этот труд силу своего дарования, самобытные художественные вкусы. Быстро растворялись и перерабатывались старые киево-византийские художественные традиции и опыт романского искусства, нарастала светская (не только феодальная, но и народная) струя с ее тягой к человечности искусства, к праздничной украшенности архитектуры, к коренному переосмыслению ее принципов. Отсюда и идейная наполненность, и художественное совершенство произведений владимирских мастеров. Пожалуй, ни одна архитектурная школа Руси XII—XIII веков не может равняться с владимирской по богатству образов, воплощенных в ее памятниках, по ясности выражения содержания.

Ансамбль Боголюбского монастыря. XII–XIX вв.

Владимирское искусство развивалось в борьбе нового со старым, было передовым народным искусством. Эти качества обусловили его непреходящую художественную ценность — его памятники восхищают нас и теперь.

Стремительный прогресс владимирской художественной культуры символизирует высоту общего уровня культуры передовых центров Древней Руси. Если бы страшная катастрофа монгольского вторжения не разрушила этой культуры и не остановила ее роста, ход европейской истории был бы иным.

Но дело народа — бессмертно, как бессмертен и сам народ. Поруганные завоевателями и опаленные огнем пожаров белокаменные храмы стали символом этого бессмертия. Ими гордились и люди XIV–XV веков, когда возрождение Руси нашло прочную опору во владимирской культурно-политической традиции. Московские и тверские зодчие изучали владимирские

постройки, перенимая мастерство предков. Георгиевский собор, с его многосложным резным убором был и в идейном, и в художественном отношении завещанием владимирских мастеров. В нем была воплощена мечта об единой и могучей Русской земле, была дана философская аргументация необходимости собирания Руси. Зодчие Ивана Калиты обмеряли Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, чтобы по его образцу построить храм возвышающейся Москвы — Успенский собор. Строители храма Рождества, созданного в 1393 году в Московском Кремле в память о Куликовской победе, приходили на берег Клязьмы, чтобы осмотреть образец — дворцовый собор Боголюбского замка.

Вдохновенное искусство великого художника освобожденной Руси — Андрея Рублева было многим обязано знакомству со скульптурной симфонией Георгиевского собора и росписью владимирского Успенского собора XII века. При

Успенский собор. XII в.

Иване III во Владимир и Юрьев посылают В. Д. Ермолина для реставрации священных для Москвы памятников XII–XIII веков, а московские зодчие и приглашенный из Италии архитектор Аристотель Фиораванти едут во Владимир, чтобы изучить Успенский собор, указанный в качестве образца для Успенского собора Московского Кремля. Вплоть до XVII века мы слышим в русской архитектуре могучее эхо владимирского искусства: то в повторении излюбленных деталей, то в композиции дворцовых или монастырских ансамблей с их переходами и сенями, повторяющими дворцовые ансамбли Андрея Боголюбского и Всеволода III.

Владимирские традиции находят отражение в резьбе крестьянских изб. В новых стилис-

тических формах сказочные звери и фантастические цветы повторяют увековеченные в камне и живописи XII–XIII веков. Это лишний раз свидетельствует о народных корнях традиций.

О нерушимой органической преемственности говорят и прошедшие перед нашими глазами многочисленные памятники Владимирской земли XIV–XVIII веков. Особенно ярко она выражена в Суздале, где можно воочию ощутить многовековой творческий порыв, переключку поколений народных мастеров. Интерес к Суздалью особенно велик потому, что это памятники «глухого» городка, которые очень редко попадают в «большую» историю искусства. Но при

внимательном рассмотрении этих «уездных» памятников видно, что и здесь мастера используют приемы древнего искусства в новых постройках, проявляют изобретательность в композиции и украшении, по существу, однотипных сооружений — храмов. Поэтому каждый из них хорош по-своему, а все вместе — многосложный, прекрасный ансамбль города.

Художественное богатство древнерусской культуры многогранно. Внимательно изучая прошедшие перед нами памятники семи столетий, можно написать объемную книгу. Здесь скажем о немногом.

Традиция была результатом определенной концепции. Ее сила определялась условиями самого средневекового творчества, развивавшего-

ся на базе освоения предшествующего опыта, освоения «образцов».

Вдумчивое изучение и развитие наследства не порождало, однако, бездушного копирования и эклектизма. Напротив, древние мастера всегда вносили свое, отвечающее новым вкусам новых людей, счастливо избегая штампов. Рассматривая памятники древнего искусства Владимирской земли XII—XIII веков, можно говорить о большей или меньшей одаренности мастера, но никогда о том, что тот или иной мастер — не художник. Это тем более удивительно, что творчество зодчих ограничивалось количеством типов построек или живописных композиций и было крепко связано каноническими нормами господствующей идеологии.

«Подводя итоги всему, что сделано Россией в области искусства, — писал И. Э. Грабарь, — приходишь к выводу, что это по преимуществу страна зодчих». На примере Суздаля и Владимира можно показать, как любовно и вдумчиво, из поколения в поколение развивали древнерусские зодчие величественные панорамы городов, как они чутко улавливали ритм и масштабы зданий, гармонию ландшафта. И теперь эти, пусть даже фрагментарно уцелевшие древние ансамбли поражают своей целостностью и кажутся творением одного зодчего, возраст которого исчисляется столетиями. Широкое понимание градостроительных задач, гармония с природой — важнейшие особенности древнерусской архитектуры.

Полихромия монументальных зданий была средством их выделения из среды рядовой деревянной застройки города. Позолоченные верхи храмов и дворцов усиливали роль здания в широком ландшафте, его пространственное звучание. Высокие шатры колоколен с их оконцами-слухами служили не только акустическим целям — резонанции звона, но прежде всего формировали и определяли силуэт города, или, как говорил летописец, — «величество града украшашу». Понимание этих задач влекло русских зодчих к разработке нарядных и динамичных верхов храмов с их причудливыми главами или целыми соцветиями таких глав, с живописной композицией венчающих частей. Благодаря этому даже лежащий на небольшой возвышенности Суздаль воспринимается как захватывающий мысль сказочный мираж. В этой широте пространственного звучания древнерусское зодчество уподоблялось русскому колокольному звону, который был титанической древней музыкой, пронизывающей своими волнами недоступные глазу дали: архитектура, город владели пространством, подчиняли его себе, входили действенным и органическим слагаемым в чудесный и задушевный пейзаж родной земли. Поэтому уроженец Владимирского края — русский поэт XIII века, восхитенный ее красотой, — написал о своей родине проникновенные слова: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская!..»